

ТРЕТИЙ РИМ

Никита
Богословский.

Песни уда-
стаива-
лись Ста-
линских
премий.
После ка-
ждого испол-
нения на
концерте, в рестора-
не или фойе кинотеатра от-
числялись гонорары. Ко-
пейки складывались в состо-
яния. За песни получили квар-
тиры в высотном доме Мокро-
усов, Мурадели и Богословский.
В консерваториях их учили со-
здавать большие формы. Студент
Мурадели посвятил первую симфо-
нию памяти Кирова, убитому другу
Сталина. Студент Мокроусов музыкой
"Ты с нами, Серго!" откликнулся на
смерть Орджоникидзе, не зная, что этот
друг вождя покончил с собой. Студент Бо-
гословский в политику не внедрялся, взялся
за оперу. Но все равно прославился пес-
нями. Они хранятся в записях и в памяти
старших. Забытые молодыми, они воспомина-
ются по праздникам и юбилеям.

Рожденный в деревне Красная Горка, вы-
росший у Канавинского базара на Волге Мокро-
усов сам научился играть на подручных струнных
инструментах. К роялю прикоснулся в рабочем
клубе в 13 лет. Подрабатывал в кинотеатре тапе-
ром, где шли немые фильмы. Переростка за та-
лант приняли в музыкальный техникум. Когда все
уходили, просиживал до утра за роялем. Социаль-
ное положение пришлось к стати. Его направили из
Нижнего Новгорода на рабочий факультет Москов-
ской консерватории. Там делали, как в суде, скидки
на пролетарское происхождение.

На выпускном экзамене исполнили "Антифаши-
стскую симфонию" дипломника Мокроусова. С тех
пор ее больше никто не слышал. Опере "Чапай" по-
везло больше. Ее поставили, когда немцы дышали в
спину Москве. Образ великого предка, как напутст-
вовал бойцов Красной Армии Верховный Главноко-
мандующий, должен был их вдохновлять. Впрочем,
вряд ли эта задача решалась в полупустом зале му-
зыкального театра на Большой Дмитровке.

Известность Мокроусову принесла "Песня за-
щитников Москвы", написанная для документально-
го фильма "Разгром немецких войск под Москвой". Я
услышал ее в переполненном мальчишками ураль-
ском кинотеатре "Магнит" и запомнил на всю жизнь.

*В атаку стальными рядами
Мы поступим твердой идеей.
Родная столица за нами,
Рубеж нам назначен вождем...*

Так в 33 года, возрасте Христа, Мокроусов
громко заявил о себе. Ему начал давать стихи
Исаковский, автор "Катюши". Клавдия Шульжен-
ко запела "Не тревожь ты себя, не тревожь",
Сергей Лемешев исполнил "Одинокой гар-
мони". Пластинки выходили миллионными ти-
ражами. На вершине Мокроусов пребывал до
смерти Сталина, чему способствовал не
только талант. Партия расправилась с "фор-
малистами" Шостаковичем и Прокофье-
вым, разогнала джаз-оркестры, заткнула
рот Утесову и Шульженко, которых пре-
жде приглашали на правительственные
концерты в Кремль. Вот тогда пришлось
ко двору простая, запоминающая-
ся после первого исполнения
музыка Мокроусова и стихи по-
этов-песенников.

*Костры горят далекие,
Луна в реке купается,
А парень с милдой девушкой
Никак не распрощается...
Мелодии к "Свадьбе с
приданым" и "Поддубен-
ским каштаном" звучали
на сцене всех теат-
ров СССР, по ра-
дио Москвы.
Солисты Боль-
шого театра,
Краснозна-
менный ан-*

Дмитрий
Шостакович,
автор "Песни
о встречном".

самбля песни и пляски, хор имени Пятницко-
го исполняли песни Мокроусова. Преуспевав-
ший композитор второй раз женился, стал отцом,
жильцом высотного дома. В кабинете новой квар-
тиры каждый день просиживал за роялем. Но в "отте-
пель", при Хрущеве, понадобились иная музыка
и иные песни. Автор "Одинокой гармонии" не
дожил до шестидесятилетия. Его песни не
дают нам иногда забыть Кобзон и Хворо-
стовский.

♦ ♦ ♦
Сын армянина-винодела Иван
Мурадов родился в Гори, на
родине Сталина. По слуху на-
учился играть на гитаре и рояле,
подрабатывал тапером и груз-
чиком. Говорил по-грузински,
хотел быть грузином, пере-
именился и фамилию на
грузинский лад, стал Ваню
Мурадели. В столице посту-
пил в Московскую консер-
ваторию, где слыл вожаком
комсомола и спортсме-
ном. За минорной симфо-
нией, оплакавшей Кирова,
последовала мажорная
"Торжественная увертюра"
в честь Молотова, еще од-
ного соратника вождя.

Но востребованными
оказались не симфонии и
романсы на слова Пушкина,
а "Колхозная песня", песня
"Светит Ленина звезда",
"Маршал Буденный" и так да-
лее. "Звездный час" наступил
после смерти великого земляка
из Гори. Никто не сочинил столь-
ко песен, кантат и хоров в честь
Ленина, КПСС, коммунизма, как
Ваню Ильич. "Партия наш руле-
вой" — его, "Славу мудрой пар-
тии поем" — тоже.

Солисты, хоры и оркестры
без устали исполняли марши, гим-
ны студентов, демократической мо-
лодежи, борцов за мир. Он с радо-
стью откликался на юбилеи, съезды, со-
ветования коммунистических и рабочих партий, на
все, о чем писали газеты. Есть у него даже опус "Про
советский атом". Поэтов убеждал так: "Если нас
просят написать песню (комсомольцы, целинни-
ки, врачи, сибиряки и так далее), значит, нас лю-
бят". Просили разные инстанции, города, юбилей-
ные комиссии, выставочные комитеты. Никому не от-
казывал. Творил с душой по социальному заказу. За
все платили по высшим ставкам. Сам знал, что нуж-
но в данный момент. По названиям его перлов мож-
но узнать об открытии Ферганского канала и канала
Москва—Волга, о 800-летию Москвы и 300-летию
воссоединения Украины и России. По просьбе "МК"
мгновенно сочинил на стихи в газете песню "Едем
мы, друзья, в дальние края". Ее запели комсомоль-
цы-добровольцы перед отходом поезда на целину.

Помимо таланта природа наградила его обще-
ственным темпераментом. С молодых лет всегда
чем-то командовал, вступил в партию. В тридцать лет
работал ответственным секретарем Союза компози-
торов СССР, в войну служил начальником ансамбля
Военно-Морского Флота. Композитор охотно вру-
чали ему власть в своем союзе.

Он был легок на подъем, все считали его грузи-
ном, непревзойденным тамадой. Его я однажды ви-
дел и слушал в "Московской правде", где он, как ар-
тист, рассказывал анекдоты, выражал неподдельную
радость по случаю встречи с главным редактором.

♦ ♦ ♦
Ничто в образе весельчака и жизнелюба не вы-
давало человека, подвергнувшегося жестоко-
му гонению родного государства: отплатив-
шего черной неблагодарностью за оперу об Ок-
тябрьской революции на Кавказе. Под очередной ее
юбилей в Большом театре поставили оперу "Вели-
кая дружба". Триумфа не последовало. Раздосадо-
ванный Сталин из правительственной ложи ушел
после первого акта. Вот тогда о композиторе все за-
были из "Постановления Политбюро ЦК ВКП(б)
об опере "Великая дружба" В. Мурадели". У ме-
ломана Сталина опера вызвала гнев. Чеченцы и ин-
гуши, отправленные к тому времени гибнуть в степи
Казахстана, а не грузины и осетины, выставлялись
героями. Не пришлось по душе музыка. Она напо-
минала оперу Шостаковича "Леда Макбет Мценского
уезда", объявленную "Сумбуром вместо музыки", и
ее он не дослушал.

Так Мурадели поставили в один ряд с Шостако-

Из всех
искусств
важнейшим, по Ленину,
считалось кино, а в музыке
приоритет отдавался песням.
В XX веке произошел обязанный
радио и кино невиданный в
истории России "песенный взрыв".
Стихи, положенные на музыку,
составили революцию и вождей, родину
и партию, армию и все рода войск,
пионеров и комсомольцев... Названия
песен напоминали лозунги и призывы:
"Эх, хорошо в стране советской жить!",
"Красная Армия всех сильнее", "Славься,
советская наша держава!". Даже великий
Шостакович написал бодрую
"Песню о встречном",
ставшую позднее
гимном Организации
Объединенных Наций.

Ваню Мурадели
за роялем во время войны.ЗАБЫТЫЕ
ПЕСНИ О ГЛАВНОМБогословский
творит очередной
шедевр.

Что осталось нам
от великих советских
композиторов?

вичем, Прокофьевым и Хачатуряном. По ним
партия была, рикошетом задев автора "Великой
дружбы". Он немедленно признал ошибки, переде-
лал оперу. И песен не бросал. Сочинил подлинный
гимн в честь дружбы Китая и СССР, Сталина и Мао.

*Русский с китайцем братья навек,
Крепнет единство народов и рас,
С песней шагает простой человек,
Сталин и Мао слушают нас.*

"Бухенвальдский набат" блистательно испол-
нял Муслим Магомаев. Мой друг Леня, на сцене
Леонард Мальцев, солист Московской филар-
монии, пел на концертах: "И на Марсе будут яб-
лони цвести". Ольга Воронец стала звездой,
поразила, когда заявила всем: "Я — Земля,
я своих провожаю питомцев, сыновей, до-
черей, долетайте до самого солнца и до-
мой возвращайтесь скорей!"

Умер композитор, прожив шесть-
десят лет, в Томске. Там сочинил в по-
следней командировке "Песню о Том-
ске". ("Томичи нас просят, значит, лю-
бят".)

Большой театр никогда не поста-
вит ни первую, ни вторую редакции
оперы "Великая дружба". Не возобно-
вит оперу "Октябрь", где Ленин бари-
тоном запел волжскую песню "Камуш-
ка" о реке Кама на слова Некрасова:

*Эй, ветерок,
Дуй посильней,
Дай хоть часок
Нам повольней!*

На недавнем юбилее "МК" Кобзон
исполнил песню журналистов: "Трое суток
шагать, трое суток не спать ради несколь-
ких строчек в газете...". Это творение Ваню
Ильича. Другое сочинение исполнять будут
всегда во время встреч первых лиц Китая и
России. Я имею в виду "Москва—Пекин". Та-
лантливый, яркий был человек. Но в целом разме-
нял талант на пятики, вышедшие из обращения.

♦ ♦ ♦
Долгожитель Никита Богословский никакого от-
ношения к пролетариату и крестьянству не
имел. Родился в Санкт-Петербурге в дворян-
ской семье, высланной из города после выстрела в
Кирова. До "большого террора" окончил консерва-
торию. Его дед по линии матери запечатлен на кар-
тине Репина "Заседание Государственного совета" в
обществе Николая Второго. Об отце, ушедшем из
семьи, известно лишь, что звали его Владимиром
Львовичем Богословским.

Искать в клубе или кинотеатре рояль Никите не
пришлось. Ребенка насильно в три года усадила за
рояль мама, выпускница консерватории. Охота иг-
рать пришла позже. Тогда оттащить от инструмента
не могли. На имевшейся некогда в каждом доме ба-
лаляйке научился играть сам. Вундеркиндом давал
уроки Глазунов, "живой классик", эмигрировавший
позднее на Запад. В восемь лет Никита пришел на
день рождения со своим вальсом "Дита", подарен-
ным сверстнице Эдите, дочери Леонида Утесова.
Спустя годы великий артист запел песни Никиты под
аккомпанемент оркестра.

Естественно, что в лице студента профессора
видели будущего Глазунова. Да и сам он тяготел,
как все на композиторском факультете, к формам,
принесшим славу русской музыке. Начал на сюжет
"Ревизора" писать оперу. На стихи Пушкина, как
Чайковский, сочинил романсы. Его симфонию
f-mol исполнил оркестр Ленинградской филармо-
нии перед войной. За ней последовали другие семь
симфоний, музыкальные драмы, балет, "сложней-
шие формы" музыки.

Но и с этим автором симфоний произошла ти-
пичная история. Признание принесла легкая музыка.
Военные объявили конкурс на лучшую песню о по-
граничниках. Молодой и нуждавшийся в средствах
композитор поучаствовал в конкурсе. Премии не по-
лучил. Но не оцененное "Письмо в Москву" без
просьбы автора исполнил Сергей Лемешев, которо-
му песня случайно попала на глаза. Десять лет спу-
стя песню "Где ты, утро раннее?" Богословский сам
принес Лемешеву. Он ее спел на радио.

♦ ♦ ♦
Из фильма "Остров сокровищ" вылетела на ули-
цу первая песенка. Другой фильм "Истребители"
увидели и забыли, а песню, начинавшуюся
словами "В далекий край товарищ улетает, родные
ветры вслед за ним летят", — запомнили все. Спел ее
под названием "Любимый город" молодой Марк Бер-
нес. Он же исполнил "Спят курганы темные" из филь-
ма "Большая жизнь". Абсолютно безголоный артист
стал другом и самым желанным исполнителем. В
фильме "Два бойца" он пропел в полголоса "Темную
ночь", написанную молниеносно Богословским за

де-
сять
минут.
Тогда же,
на киносту-
дии, прослу-
шав фольклор
приглашенных по
объявлению эваку-
ированных коренных
одесситов, внук камер-
гера сочинил "Шаланды,
полные кефали", ставшие
родными внукам биндохни-
ков и "всей Одессы", визит-
ной карточкой "города-героя".
Пишу названия песен — и не-
вольно слышу музыку. Слышат ли
те, кому рыночные радиостанции
забили голову импортной шелухой?

Вспоминая жизнь при социализме,
композитор в старости наговари-
вал на себя: "Я никогда не заинтересо-
вался страной. Все мои мысли были
направлены на творческое благополу-
чие и на свою судьбу в этом мире, ко-
торый я воспринимал иронически. В ду-
ховном плане у меня не было драм и тра-
гедий". Не интересуясь страной, он не на-
писал бы "Любимый город" и "Темную ночь".

Но ирония не убывала до последних дней,
оборвавшихся в ночь с 3 на 4 апреля уходяще-
го года. Ирония подсказала послушаться суро-
вых служивых, приказавших следовать в ссылку.
Каратели в суматохе "большого террора" забыли
о нем. Ирония вдохновляла на розыгрыши, став-
шие легендами Москвы XX века. Ему приписыва-
ли телеграмму, отправленную анонимом в адрес
Союза композиторов от имени Франсиса Лея. Тот
якобы поздравлял Таривердиева "с огромным ус-
пехом моей музыки в вашем фильме "Семнад-
цать мгновений весны".

Не пломбировав он дверь, при виде которой
хозяйка квартиры упала в обморок. Женщин никогда
не разыгрывал. Но и того, что натворил этот жизне-
люб, при советской власти постоянно обедавший в
"Национале", хватило ему, чтобы перед смертью по-
просить прощения у тех, кто не оценил его злые шу-
тки. Он изводил "Вечернюю Москву" звонками после
каждого "ляпа", не заставлявшего себя долго ждать.

♦ ♦ ♦
Перестройка ударила "одним концом по бари-
ну, другим по мужику". Джентльмен, ходив-
ший по советской Москве в белом, по словам
жены, "жуткий модник и бабник", остался у раз-
битого корыта. Из него вытек финансовый ручей,
поступавший в СССР из моря музыки: сотен песен,
фильмов и спектаклей. Пришлось тому, чьим име-
нем называли малую планету Солнечной системы,
отправить телеграмму в адрес правительства:

"Оплачивать квартиру денег нету.

И, видимо, не будет никогда.

Назвали моим именем планету.

Быть может, переехать мне туда".

По случаю 90-летия со дня рождения в
Москве симфонический оркестр исполнил
"сложные формы" Богословского. Будут ли
играть эти симфонии в будни? Не уверен.
Кроме музыки писал стихи, такие, напри-
мер:

*О днях былых я часто вспоминаю,
Мелеет славы бурная река.
И я без сожаленья*

в суп бросаю

Лавровый лист

из моего венка.

Под его именем выхо-
дили книжечки юмора и са-
тиры, он шутил без конца,
сыпал афоризмами. Мне
они не кажутся классикой.

Иван Козловский по
просьбе Сталина спел "Тем-
ную ночь" Черчиллю в Мо-
скве. Эту песню не забудут
как войну, вдохновившую ее написать.

*Лев
колодный.*

Ваню
Мурадели
на вершине
славы.